

Танджшер

1982

ДНЕВНИКИ

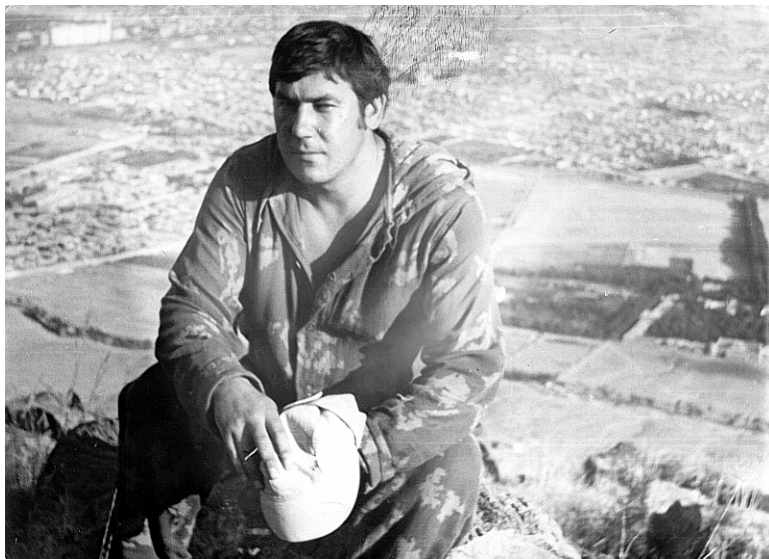
Как кадры киноленты проносятся порой пред глазами эпизоды афганской войны.

Память, конечно, сохраняет многое. Вспоминаются боевые друзья и особенно близко, как живые, проходят в памяти те, кто не вернулся, кто пал смертью храбрых, выполняя воинский долг. Но многое уходит безвозвратно. Листая свой личный дневник, написанный ручкой, разными чернилами, а порой просто “огрызком” карандаша, на тетрадных листах, в блокноте, который носил всегда с собой, как и автомат, боеприпасы, часто жалею, почему не догадался описать подробнее боевые операции, в которых принимал участие, даже важнейшие события дней пребывания в Афганистане. Но и коротенькие записи, которые сохранились, дают возможность вспомнить многое.

Суровая, с захватывающими и трагическими событиями жизнь протекала там, в горах Гиндукуша, о которой романтики и искатели приключений могли бы только мечтать.

В мою бытность прошли многие боевые операции в Афганистане. Одна из самых длительных и трагических была боевая операция, проводимая в Панджшерском ущелье в мае-июне 1982 года. Вот некоторые записи, сделанные в те дни в дневниках мной и комбатом майором Усмановым.

***Александр Скрипель, старший лейтенант,
замполит 3-го мотострелкового батальона
180-го полка 108 дивизии.***

*Из дневника комбата
майора Владимира Викторовича Усманова*

5 мая 1982 г.

Слухи о боевой операции в Панджшере против душманских банд Ахмад Шаха Масуда начинают сгущаться в облако. Завтра в штабе армии расширенное совещание. Пригласили даже нас, комбатов. Это неспроста.

6 мая 1982 г.

Решение командованием принято. Операции в Панджшере быть. На совещании поставлены не только общие задачи с указанием действий подразделений на карте, но и на муляже - макете. Уточнены вопросы взаимодействия и выполнения боевых задач по часам и минутам на каждые сутки.

Теперь мне понятно, почему комполка не разрешил отправить меня в госпиталь после Гордеской контузии и

ушибов позвоночника, хотя я две недели провалялся в постели. Подымали и кормили бойцы.

Вечером с начальником штаба капитаном Камилем Аликберовым корпели над уточнением задач для рот и приданных им подразделений. Уйма мелочей, которые надо не упустить из поля зрения: когда “колесо” завертится, коррективы вносить будет труднее.

7 мая 1982 г.

По итогам совещания и постановке задач на предстоящую боевую операцию собрал командиров подразделений, служб и политсостав. Вместе с начальником штаба ставили и разъясняли задачи: снова по дням, часам и минутам. Решено 8 мая провести строевой смотр личного состава. Командирам поставлена задача – досконально проверить матчасть, чтобы все работало, вертелось и крутилось, были в наличии запчасти, сухпай и боезапас.

8 мая 1982 г.

Строевой смотр прошел хорошо. Замечания есть, по мелочам. Настроение у народа предпраздничное. Завтра день Победы! Отдал распоряжение по распорядку на праздник. А как отметим день Победы мы, офицеры?

Телефон не дал собраться с мыслями. Звонил комбат 2 – Руслан Аушев. Я сразу с вопросом: “Ну что, можно поздравлять с присвоением Героя?”

– Да, можно. Только что по телефону мне сказал об этом и поздравил командующий Турк ВО генерал-полковник Максимов.

– Так лети сюда стрелой. Заветная банка со спиртом заждалась этого сообщения! - Банку поставили в холодильник почти два месяца назад, когда узнали, что ушло представление к званию Героя на Аушева.

Когда Аушев зашел на нашу половину палатки, я уже налил по стаканам спирт и вынул холодную воду из холодиль-

ника.

– Ты что ошалел?! - удивился Руслан. - Еще и обед не наступил, а ты со спиртом!

– За комбата Аушева, офицеров, сержантов и бойцов второго батальона! - сказал я и поднял стакан.

Аушев и все собравшиеся выпили. Пока замирали, выдыхали и запивали холодной водой, я налил по второй.

– Теперь - за родителей, вырастивших Героя. - И снова выпили. Потом подняли святой третий тост – молча и до дна.

Когда в палатку зашел командир полка, Евгений Васильевич Высоцкий, я еще сумел пошутить, что при входе к Герою Советского Союза можно было бы и постучаться. Евгений Васильевич обнял Руслана, и тосты повторились.

Ура! В нашем доблестном 180-ом полку рожден Герой Советского Союза!

Из дневника замполита батальона старшего лейтенанта Александра Федоровича Скрипеля

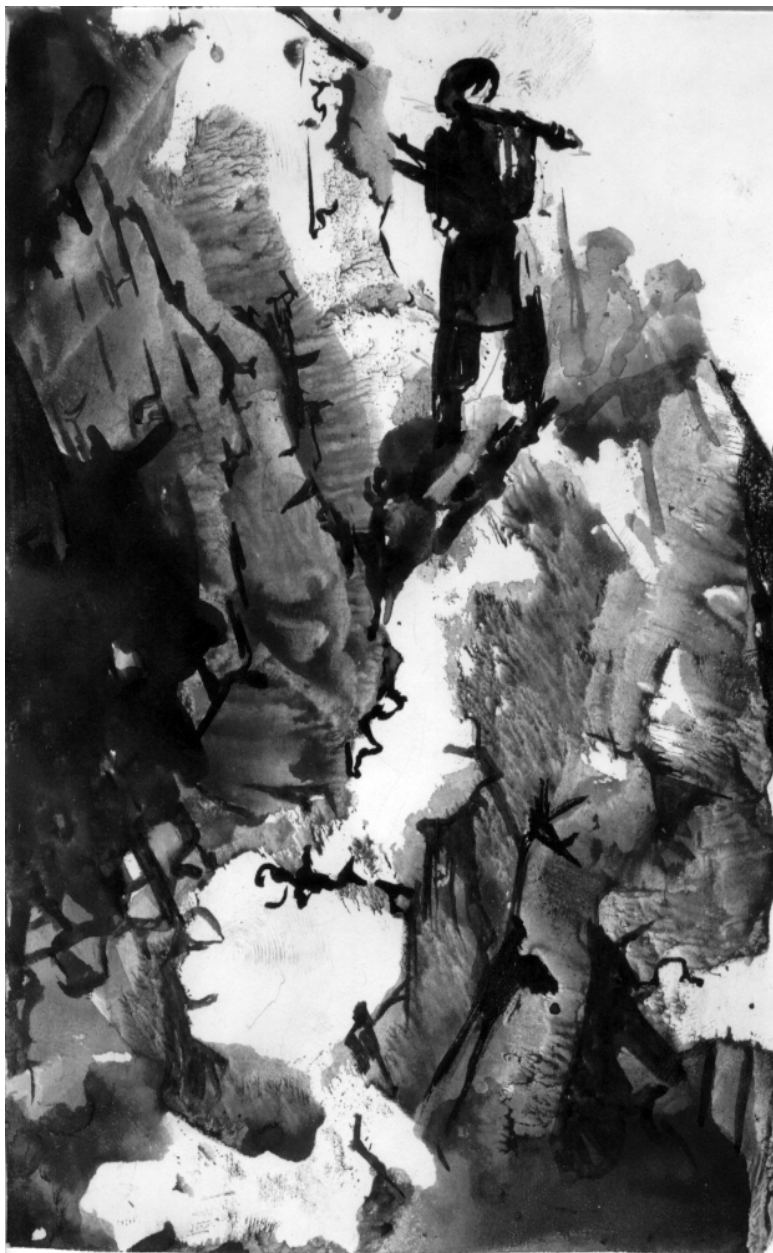
14 мая 1982 года

На рассвете угрюмые скалы Панджшера охнули от ракетных ударов и артиллерийских залпов, зарокотали гулом авиации и вертолетов. Афганские и советские части начали крупномасштабные действия против душманских формирований Ахмад Шаха Масуда.

Самолеты с десантниками уплывали к недоступным местам гор и ущелий, где закрепились мятежники, были их склады с вооружением и продовольствием.

В этот день наш 180-тый мотострелковый полк под командованием подполковника Е.В. Высоцкого готовился к боевому рейду. Был проведен строевой смотр. Получены снаряды и боеприпасы с дивизионных и армейских складов.

Высоцкий провел совещание с офицерами полка. Состоялся

обмен опытом ведения боевых действий. Здесь говорили и о самых мельчайших деталях, от которых будет зависеть успех и жизнь людей.

В нашем 3-ем мотострелковом батальоне после строевого смотра и полкового совещания офицерского состава, проверки к выходу боевой техники комбат майор В.В. Усманов тоже провел совещание с офицерами и прапорщиками, поставил задачи командирам подразделений по последним приготовлениям к боевым действиям и отдыху личного состава.

Офицеры управления остались в штабной палатке. Она и место нашего отдыха. Еще раз уяснили боевую задачу, когда в палатку зашел капитан Руслан Аушев – командир 2-го мотострелкового батальона. Ему требовалось уточнить некоторые вопросы предстоящих боевых действий. Для Аушева – это последний рейд. После поедет поступать в Военную Академию имени Фрунзе. В преддверии Дня Победы на Аушева пришел Указ о присвоении звания Героя Советского Союза. Когда отмечали это событие, я сказал: “Ну что, Руслан Султанович, ты стал национальным героем Ингушетии. Ведь ты единственный Герой Советского Союза среди ингушей. Он подумал и ответил: “Нет, я прежде всего гражданин нашей Великой Державы. А присвоение мне звания Героя – это заслуга всех вас, моих боевых друзей, и моих бойцов”.

Хорошо сказал.

15 мая 1982 г.

В 2 часа ночи скомандовали: “Подъем!”. Командиры рот и взводов проверяют личный состав, экипировку, оружие и боеприпасы, ведут инструктаж старших боевых машин. В 3.40 ночи батальон в составе полка тронулся в путь.

Построение колонны батальона: танковый взвод, 8-ая мотострелковая рота, КП батальона с минометной батареей, 7-ая мотострелковая рота и приданный полку батальон радиолокационной борьбы, 9-ая мотострелковая рота с тылами обеспечения.

К 9-ти утра прибыли в район сосредоточения - городок Джабаль - ус - Сирадж. После завтрака – инструктаж комбата Усманова, подготовка к предстоящим боевым действиям.

Вечером выставили охранение, ночное дежурство...

В горах идут бои с формированиями мятежников. Слышны тяжелые раскаты орудийных залпов.

16 мая 1982 г.

В 5 утра снова походный марш. К 12 часам вошли в Панджшерскую долину. Привал. Встреча с офицерами и солдатами афганской армии. С ними нам предстоит взаимодействовать в боевых условиях. Непростая задача, особенно для комбата.

В 15 часов приказ командира полка: “Срочно выдвинуться на помощь полковой разведроты. Занять господствующую гору Ларум и близлежащие высоты”.

Разведроту зажали “духи”. Надо выручать. Комбат Усманов ставит нам боевую задачу.

В 15.30 на боевых машинах выдвигаемся в условленное место, спешиваемся и следуем по маршруту, отработанному на картах. Вначале продвигаемся вдоль каньона по безымянному ущелью, рассредотачиваемся таким образом, чтобы выйти к высоте и ударить по противнику с двух сторон. По распоряжению комбата я иду в составе 8-ой роты, саперного и минометного взводов. С другой боевой группой, основой которой стала 7-ая рота, идет начальник штаба батальона - капитан Камиль Аликберов. Командир батальона находится с 9-ой ротой и тылами. Ночью лазить по горам чертовски сложно.

17 мая 1982 г.

К 5 утра, преодолев скалистые склоны, подошли к господствующей высоте. Сразу же угодили под перекрестный огонь душманов на открытом месте. Быстро рассредоточились и вступили в бой. Выручили гранатометы “муха” и миномет.

Спустия полтора часа прорвались к разведроте.

Духи сильным огнем пытаются сбить нас с высоты. Погибли 2 сапера передовой группы, третий - тяжело ранен, ранены трое мотострелков. Убитых и раненых несем с собой. Достигли господствующей высоты горы Ларум (2771 м). Бой продолжается. У разведчиков убит лейтенант Захарян, двое ранены, скончался от шока тяжело раненый солдат из саперного взвода.

Вижу, боевая группа К. Аликберова захватила соседнюю высоту.

Вызвали вертолеты и отправили погибших и раненых.

Обходим позиции, отбитые у душманов. Они даже не успели унести или забросать камнями трупы убитых.

Обороняя высоту, разведчики до нашего выхода к ним отбили 6 атак мятежников.

После отхода основных сил душманов батальон вместе с приданными нам афганцами сосредотачивается на горе Ларум.

В ходе выдвижения к нам бойцов 9-ой роты погиб рядовой Джехранов, тяжело ранен сержант Шукур Насрединов, трое бойцов получили легкие ранения. Совершаем марш по хребту.

Неожиданно появились "Фантомы" пакистанской авиации. Налет был настолько неожиданным, что стрелки-зенитчики не успели даже сообразить и приготовиться к бою. Эпицентр удара пришелся на головную колонну афганского батальона, метрах в 20-30 от управления нашего батальона.

Все горит. Черный едкий дым, ничего не соображу, вокруг темно, словно ночью. Горит сама земля, камни.

Все бросились, кто куда. Разбросано оружие, горящие вещмешки. Сбиваю с себя песок пламя и бросаюсь к горящей радиостанции авиационного наводчика, ее горящую бросил сопровождающий солдат.

За огромным каменным валуном вижу комбата и авианаводчика, которые сбивают с себя кисельную смесь напалма.

Сбив пламя, вырезав ножом следы напалма, вместе с майо-

ром Усмановым пытаемся прекратить возникшую при бомбежке панику и восстановить боеспособность подразделения, иначе “духи” уничтожат нас всех.

Панику укротили. Подсчитываем потери. У “зеленых” (афганцев) 13 убитых, один сгорел полностью, 17 раненых с ожогами тяжелой степени. У нас ранен рядовой С. Ильясов, обожжен сержант Полков В.И. У многих, в том числе у меня, легкие ожоги. По радиостанции вызываем вертолеты. Грузим погибших, раненых и получивших ожоги средней и тяжелой степени.

Ночь, располагаемся в горах отдохнуть, выставив боевое охранение.

Из дневника майора В.В. Усманова

16 мая 1982 г.

Второй батальон пошел в Панджшер через вход в ущелье. Я получил задачу вытаскивать из окружения разведроту. Мой батальон на броне, следуя по дороге на Саланг, вышел к месту подъема на гору Ларум и быстро спешился. Бронегруппу зампотех должен прогнать дальше на 10 км и там имитировать высадку.

Батальон быстро по 2-м направлениям ведет подъем. Задача поставлена такая, чтобы к рассвету выйти на хребет. Подниматься тяжело, бойцы несут на себе много груза. Кроме того, что положено солдату, на ремнях, веревках за спиной привязан боезапас к минометам под 50 кг на каждом.

17 мая 1982 г.

Нам не хватило буквально часа, чтобы до рассвета выйти к разведроте. “Духи”, обнаружив нас, начали обстрел с трех сторон. 9-ая рота, шедшая со мной, оказалась в более выгодном положении по сравнению с другими, была под бо-

лее отвесным склоном. Угол обстрела не давал возможности “духам” расстрелять ее в упор. А 8 рота, которая уже выходила на плато, оказалась под шквальным огнем. Выручили их расчеты АГС-17, которые шли с 9-ой ротой и буквально в секунды развернулись и ударили по душманам. Огонь сразу же затих, видимо, достали мы их. С 8 ротой идет замполит полка старший лейтенант Скрипель. Как бы с ним не случилось худа.

По радио уточнил у них обстановку. Сказал, что, если будем лежать под склоном, духи выйдут на удобную позицию и перебьют всех, как в тире. Надо броском выходить на хребет, иначе хана. Тем более, ни огонь артиллерии, ни вертолеты на помощь вызвать не могу, а без них невозможно корректировать огонь.

“Духи” сдерживают нас огнем, не давая выйти на хребет, а часть их сил отходит, они понимают – в горах побеждает тот, кто имеет превосходство в высоте. Если мы с двух сторон выйдем на Ларум, то они будут отрезаны. Поэтому основные силы душман начали отход, а группа прикрытия долбит нас. Опять думаю о старшем лейтенанте Александре Зайцеве. Саша словно пулеулавливатель. Идет со своей группой впереди, принимая на себя огонь. Оперативно докладывает реальную обстановку. Вот и сейчас со взводом рванул первым на хребет, чтобы не дать душманам расстрелять батальон, КП батальона и тылы, которые могут оказаться в опаснейшем положении.

Приказал командирам 9 и 8 рот по одному взводу бросить на хребет, остальным поддерживать их огнем. Как медленно ползет время! Что там, на высоте?

Докладывают: вышли на плато, вызвали огонь артиллерии, душманы спешно отходят по хребту. Появилась возможность отправить убитых и раненых. Для выполнения поставленной задачи дал команду подразделениям срочно выйти на свои маршруты, батальон стал вытягиваться, однако, приданный нам батальон “зеленых” афганской ар-

мии со своими узлами, одеялами замешкался. Появилась внезапно авиация, откуда она у “духов”? Удар нанесен по КП батальона и роте афганцев. Страшная вещь! Одно дело видеть это на учениях или в кино, а тут ... бомбы напалмовые. Я вам скажу, это очень страшно. Горит действительно все: песок, камни, люди, оружие.

Под взрывами бомб мы с авианаводчиком капитаном Воробьевым маханули через валун высотой за два метра и не задели. Когда все закончилось, попробовали примериться и повторить это еще раз. Да куда-там. Основной удар авиации пришелся по афганцам. Послал за афганским комбатом, он, кстати, оказался, по крайней мере, на вид спокоен. Хотя, если знаешь людей Востока, то внешний вид часто бывает обманчив.

Подоспели вертолеты. Одним из них управлял заместитель командующего авиацией 40-й армией. Сесть нормально не могут: опираются о склон лишь одним колесом, в положении зависания быстро грузим раненых и убитых. Получилось нормально.

Принялись приводить в чувство людей, многие на грани панического состояния.

Докладываю командиру полка обстановку. Батальону приказано с утра 18-го мая продолжить выполнение боевой задачи. Лепешки напалма и фосфорной смеси вспыхивают на земле, камнях и искрятся в наступающей темноте. Приняв доклады у командиров рот, уточняю им задачу на завтра, приказываю выставить охрану и отдыхать.

Сам, с замполитом полка, оперуполномоченным военной контрразведки, стал устраиваться на ночлег в окопчик, обложенный камнями. Улеглись, минут через двадцать подумал, что лучше снять обувь, откинул спальный мешок, как вдруг штанины комбинезона вспыхнули и начали гореть: видимо, не сбитые со штанин остатки напалмовой смеси, нагрелись и с притоком воздуха, вспыхнули. Кто-то резанул мне по штанинам, хорошо, еще в темноте ноги не по-

резали. Со смехом, обсудив это происшествие, минут через 15 улеглись спать.

В утренних сумерках я переоделся, представив, как бы выглядел я, представ утром перед бойцами в комбинезоне с отрезанными штанинами.

18 мая 1982 г.

Двинулись по хребту вдоль Панджшерского ущелья. Из двух кишлаков нас обстреляли душманы: не поддается логике их самоуверенность, видимо получили приказ нас сдерживать. Опять есть потери. Уничтожив прикрытие, продолжаем движение вперед. Километров через 5 мы вышли на отряд, засевший на заранее подготовленных позициях. Завязался бой. Вызываю огонь сразу и артиллерийской группы полка и дивизии. Нанесли удары и вертолеты. Бой идет до самой темноты. Ночью стрельба прекратилась. Выслал три группы вперед. Через час доложили, что “духи” отошли. Занимаем их позиции. Отдал команду устраиваться на отдых. Осматриваю оборону “духов”. На камнях различные линии, стрелки, нанесенные белой краской, догадываюсь: это указатели движения ночью. Да, основательно душманы готовились.

Насколько позволяло освещение, осматриваю опорный пункт. Все сделано с умом. Чувствуется, что систему обороны готовили профессионалы. Пора и самому отдыхать.

В горах очень резкий перепад температур: изнуряющий зной днем и холод ночью. Пытаюсь уснуть. Услышал странный звук, встал и пошел по местам, где устроились на ночлег бойцы. Они, как правило, ложились рядом по три человека, обогревая друг друга, укрываясь одной плащ-палаткой. Звук, который мне показался странным, был цоканьем зубов от холода. У ребят стучали зубы. Сотни зубов выбивали какую-то зубную мелодию. Этот звук мне врезался в память на долгие годы.

Из дневника старшего лейтенанта А.Ф. Скрипеля

18 мая 1982 г.

В 3 часа ночи ударили пушки. Подъем. Продолжаем переход по хребту Ходжа-Мухаммад. Крутые спуски и подъемы по скалистым склонам. Кажется, что до места, куда надо выйти, совсем рядом, какие-то полчаса - час ходу, но прошло 6 часов, а до указанной высоты еще шагать и шагать. Изжаренные на солнышке, уставшие, вступаем в бой с душманами. Комбат через арторректировщика и авианаводчика вызвал огонь артиллерии и вертолеты. Я, перезарядив магазин в автомате, короткими перебежками под огнем бегу к передовой группе, вступившей в ближний бой с противником. Бойцы действуют четко, выполняют все распоряжения командиров. Передвигаясь вдоль переднего края, даю команду группе огневого обеспечения, гранатометно-пулеметному взводу вести огонь с расчетом, чтобы полосы их огня пересекались с левыми и правыми флангами с целью создания зоны огневого мешка.

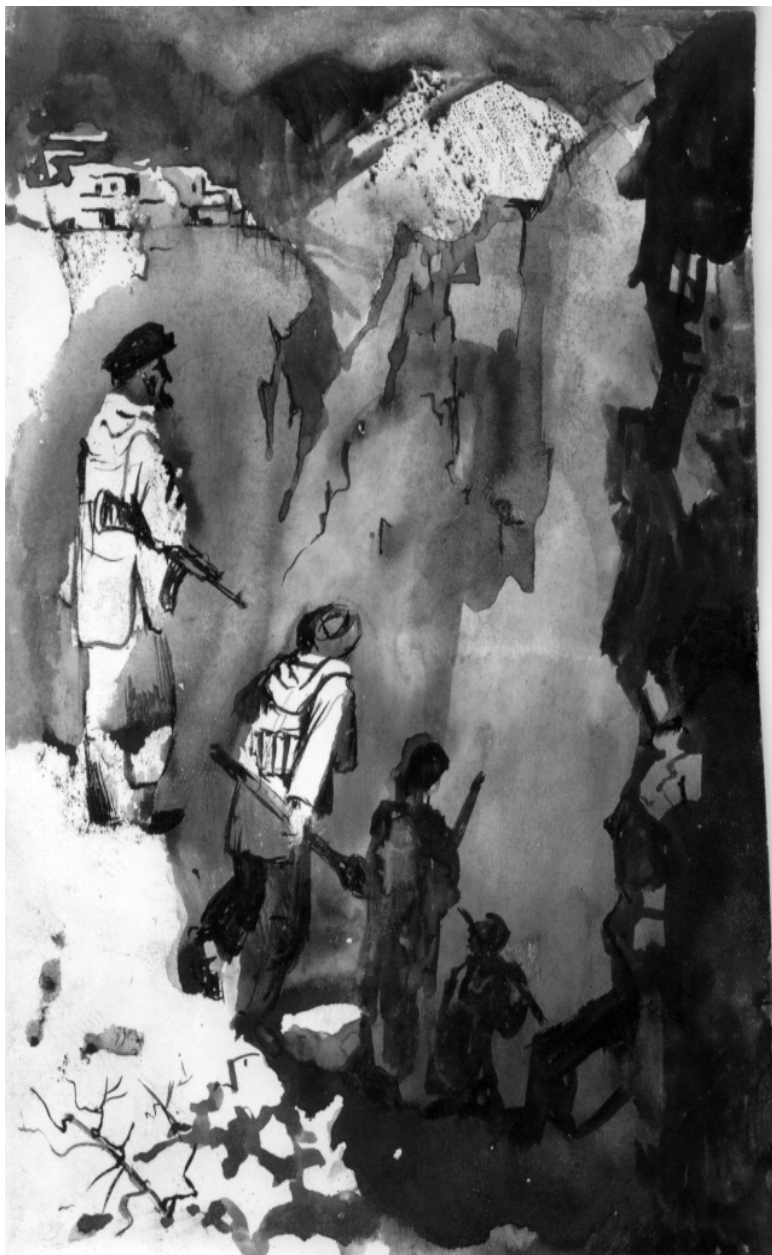
Сам стреляю из автомата. Забираю у молодого солдата ПК и веду из него прицельный огонь по перебегающим "духам". Нас поддерживают полковая артиллерия, минометы батальона. Огненные стрелы НУРСов с вертолетов поражают противника на обратных скатах высот. И "духи" бегут.

По окончании боя ... снова в путь. Останавливаемся на высоте 3213 м, выставляем охранение, чтобы несколько часов передохнуть.

19 мая 1982 г.

В 4 часа утра подъем. Опять переход по опасным спускам и крутым подъемам. Кончились сухпай, взятые на 3 суток. Солдаты и офицеры озабоченно встряхивают флаги с водой, там уже пусто, несмотря на строжайший питьевой режим. В последние сутки воду использовали по каплям, чтобы губы смочить ...

Но люди не теряют чувства юмора, шутят, вспоминают

жизнь в Союзе. Командир минометного взвода лейтенант Смирнов серьезно так говорит: “Останусь жив, после рейда уеду в отпуск. Первым делом пойду в бассейн. Разденусь, прыгну в воду и буду пить ..., пить ... и пить ..., а затем плавать, если вода еще останется”.

Вода – это все ... Наконец-то спустились к небольшой горной речушке Шутуль. Напились, набрали воды. Перешли через речку и пошли в горы по ущелью, вдоль реки.

У кишлака Сефовар вступили в бой с душманами. По радиостанции передали соседи, что в 7 роте – один убитый и один раненый. А душманы ведут интенсивный огонь по нам. Под прикрытием огня минометов и гранатометов продвигаемся перебежками вперед. Рядом со мной упал сраженный наповал рядовой Мавлянов Салим. Жалко парня. Падают под пулями младший сержант Акдеров Хан Мухамедович и младший сержант Лубинин Александр Дмитриевич. Уже в кишлаке погиб рядовой Эмулиев Азим, тяжело ранены Шамсуддинов Мавлякан и прапорщик Виктор Милетин. После боя выносим и отправляем вертолетами раненых и убитых. Настроение нулевое. Расставляем охрану и располагаемся на ночлег.

20 мая 1982 г.

С рассветом выходим к своей бронегруппе в поселок Анава. Здесь располагается штаб 108 мотострелковой дивизии. Наконец-то будет горячий обед и вода!

Батальон переходит в распоряжение командира дивизии генерала В.И. Миронова. И тут же получает боевую задачу. Группе во главе с начальником штаба батальона капитаном Аликберовым приказано занять господствующие высоты с левой стороны ущелья. 9-ая рота с бронегруппой и тылами батальона остается в распоряжении командира дивизии на командном пункте. Нашей группе, основу которой составляет 8 рота, приказано переправиться через реку Панджшер и с ходу взять высоту с отметкой на карте 1956 у поселка Таджикан, чтобы обеспечить беспрепятственное продвижение

частей дивизии по ущелью, не допустить выхода “духов” к КП дивизии.

Выдвигаюсь со своей группой. Не доходя до кишлака Калача, угодили под обстрел. Вступаем в бой. Захватили пленных, отправляем их на КП дивизии. Душманы спешно уходят в горы. Переправляемся через реку Панджшер. Идем в горы, но опять попадаем под огонь. Оценив обстановку, вместе с командиром 8-ой роты, принимаем решение во избежание обстрела обойти “духов”, совершить подъем в горы и выход к господствующей высоте. Высылаю передовую группу в составе взвода под командованием ст. лейтенанта Зайцева А.О.

Из дневника майора В.В. Усманова

19 мая 1982 г.

... Воды нет. Запросил у командира полка, чтобы забросили “вертушками”, но им сесть негде. Сбрасывают резиновые резервуары с водой. Они при ударе о камни разбиваются. Бойцы бегут к месту падения, пытаются схватить потрескавшимся в кровь губами хоть каплю влаги. Но безжалостное афганское солнце моментально ее испаряет.

Есть никто не хочет, так как все содержимое нашего сухого пайка – пересоленное, рассчитанное на нормальные условия и на варку пищи. Без разогрева продукты в пищу не пригодны. При таких физических нагрузках – и без нормальной калорийной пищи. Вспомнил, как еще лейтенантом прочитал заметку в газете “Красная Звезда” о том, что офицеры бундесвера отказались выезжать на учения, так как им определили на троих 2 походные резиновые ванны, а не на каждого. Вот бы их сюда.

Командир полка передал, чтобы начинали спуск к реке. Туда за нами придет бронегруппа разведбата. Что-то там, у командного пункта, происходит.

Снова приказ: после спуска, срочно сесть на броню и при-

быть в Анаву, духи долбят КП дивизии. Все лежат по укрытиям, парализовано управление.

Пока спускались, нарвались еще на один укрепленный пункт. Бой длился часов 5-6. До наступления темноты спуститься не смогли. По радио комполка грозитя наказать за задержку: вроде бы я тут на горных лыжах катаюсь. Видимо, их там здорово припекло: раз такая нервозность.

20 мая 1982 г.

С первыми лучами солнца продолжили спуск. Внизу показалась река. И сразу же заблестели глаза у бойцов. Правильно говорят: вода – это жизнь. А если еще жара палит за 40 градусов да еще с оружием и боеприпасами на спине.

По радио приказал ротным, чтобы определили заранее, кто пьет и купается, а кто – в охране, офицеры последние подходят к воде – не хватало, чтобы, как карасей, поглушили “духи”, когда бойцы кинутся к воде всем скопом. Человек слаб, да если учесть, что он двое суток не пил.

Все прошло организовано. Великий силой и духом все-таки у нас солдат! Цены ему нет.

На бронегруппе прибыли в Анаву. Сразу на доклад к комдиву генерал-майору Миронову В.И. Он приказывает немедленно снова лезть в горы, чтобы сбить там “духов”, обеспечить нормальную работу штабу и группе управления операцией. Пытаюсь заикнуться, что людям хотя бы горячую пищу...

– Через 3 часа не будете на этих высотах, – комдив ткнул пальцем в карту, – сниму с должности. Понял!?

Подошел к тылам батальона. Старший прапорщик Педченко докладывает: Обед готов, товарищ майор! Двойная норма продуктов заложена в котлы.

– Вот сам и ешь! – зло сказал ему. А потом подумал: “А он -то при чем? Человек старался”. Подошел к нему, хлопнул по плечу – Съедем все, когда вернемся.

Построил батальон. Сказал, что из-за того, что КП дивизии не может работать, батальоны в горах несут большие потери. Нам поставлена комдивом задача выдвинуться вон к тем высотам, – показал рукой куда. Генерал стоит рядом со мной и смотрит на часы. Я знаю характер Мирнова: если сказал, то сделает. Но я был уверен в своих бойцах и офицерах. Коротко поставил задачу и отдал команду: «Вперед».

Плохо поднималась 8-ая рота. Ей пришлось километров 5 спуститься по реке прежде, чем переправилась.

Улучил минутку, отошел от комдива. Дал радисту команду “Золото”: у нас в батальоне такая уловка по переходу на другую частоту, чтобы не могли прослушать ни чужие, ни свои. По ней дал команду взводу Зайцева бросить все вещи и налегке, бегом взобраться на высоту и дать сигнал.

Через 40 минут на вопрос комдива: “Ну что?” я показал рукой на выступ скалы, – там взвился оранжевый дым. Комдив не сказал ничего и пошел к штабной палатке.

Из дневника старшего лейтенанта А.Ф. Скрипеля

21 мая 1982 г.

В ночь на 21 мая скрытно подошли к высоте, занимаем сопки перед вершиной для дальнейшего броска вперед. В 3 часа по радиостанции от командира группы Зайцева поступило сообщение, что высота занята. Но, оказалось, взвод вышел только под хребет, а не на вершину. В результате утром душманы нас зажали в невыгодном для нас месте. Их ружейно-пулеметный огонь и не дает нам возможности для маневра. Появились раненые.

Укрывшись с гранатометным взводом за каменными валунами, пытались занять более выгодную позицию, но, к сожалению, наши попытки ни к чему не привели. Даю команду зак-

репиться и продержаться на занятой позиции до темноты. В ходе артподдержки и огня вертолетов по противнику решил укрепить позицию для АГС-17 и оборудовать командно-наблюдательный пункт. Приказываю наводчику гранатомета Климову А.Н. и его помощнику продвинуться метров на пять - десять вверх. Не успев закрепиться, Анатолий Климов, получив тяжелое ранение, скатился на меня и капитана Чаплинского И.И. - помощника начальника штаба полка, назначенного на период операции исполнять обязанности командира взвода АГС и, как новичку, получить боевое крещение. Через некоторое время ранение вскользь живота и в шею получил помощник гранатометчика Турдыев М.А., погиб рядовой Авлекулов Н.И. – помощник гранатометчика АГС.

Под огнем противника фельдшер батальона прапорщик Иван Атанасов с группой бойцов вытаскивают раненых и погибших, оборудует для них укрытие из камней. Жара под 50 градусов. Раненые просят пить. Обращаюсь к солдатам, те без слов слили из своих фляжек остатки воды. Сержант Расул Гамзатов передал воду фельдшеру Атанасову. На обратном пути к своему взводу сержанта Гамзатова ранило.

В это же время у капитана И. Чаплинского схватило живот. Не обошлось без смеха, когда он отполз в сторону от укрытия, лежа отрывал штыком-ножом ямку среди камней, и в лежачем положении освобождал свой кишечник ...

С наступлением темноты, после 16 часового непрерывного боя, уходим на нижний хребет и занимаем оборону по склонам вдоль господствующей высоты, духи начали минометный обстрел по позициям, которые мы только что покинули.

С подходом солдат из 9-ой роты отправляю с ними на бронегруппу раненых и погибших.

Воды достать не удалось: душманы спуск к реке интенсивно обстреливали всю ночь. В ходе короткого отдыха, зная что я жду в семье пополнения, солдаты пожелали мне сына: "...Сильного духом, как и Вы, товарищ старший лейтенант".

22 мая 1982 г.

Светает. Опять обстрел из крупнокалиберных пулеметов и гранатометов наших позиций. Отстреливаемся и мы. Вызвали огонь артиллерии. Бомбовой удар нанесла армейская авиация, затем вертолеты, но взять укрепрайон не удастся.

Душманы поливают нас огнем. Целый день ни глотка воды, поднять голову нельзя: схлопочешь пулю. Рядом со мной ранено бойца Максименко С.А. из взвода АГС. Жара невыносимая. До крови потрескались губы. Под вечер, когда прекратились вылеты вертолетов, душманы начали минометный обстрел и ураганный огонь из автоматов и пулеметов. Мины ложатся рядом с нами, пули щелкают о камни.

Командую: "Всем по воронкам! И первым бросаюсь на место, где только что разорвалась мина. По законам теории вероятности второй раз на одно и то же место бомба или мина почти не попадает. Рядом падает капитан Чаплинский, прижимаясь ко мне. Разворачиваю минометный расчет и гранатометы, начиная ответный огонь по противнику.

Погибли капитан Желтухин и рядовой Бекгаев, ряд бойцов получили осколочные ранения.

С наступлением темноты отправил группу солдат за водой, но воды досталось по 2 глотка на человека. На взвод – одна сигарета. Капитан Чаплинский курил последний, спрятавшись в укрытие и зажав камнями бычок, чтобы не обожгло пальцы рук.

По радиостанции связался с "Розой" (позывной комбата) доложил ему обстановку. Ночью продолжаем укрепляться. Бойцы 9-ой роты принесли нам продукты и воду. Вышло по 1,5 банки сухпайка на человека, фляжка воды – на взвод, офицерам по банке сгущенки на двоих. Ее разделили на всех.

23 мая 1982 г.

В 4.30, словно по расписанию, душманы снова начали обстрел, обложив нас с 3-х сторон, пытаются сбить с высоты (по данным разведки ночью к ним прибыло подкрепление).

Чтобы противник не обошел нас с тыла, указываю позицию

для миномета прапорщику Прокопьеву, прибывшему в наше распоряжение. На левый фланг выдвигаю два расчета АГС-17.

Впервые “духи” включили музыку. А затем на русском, таджикском и узбекском языках начали “обработку”, агитируют солдат сдаваться, переходить к ним, сдавая офицеров. Обещают райскую жизнь за рубежом. В ответ ударили по душманам из всего стрелкового оружия и гранатометов. “Духи” пустили в ход минометы и горные пушки.

И к нам пришла подмога. Бьют по духам артиллерия и вертолеты. Но укрепрайон “духов” – отличный. В щели и щели в горах не могут попасть ни снаряды, ни НУРСы.

Вечером, после доклада об обстановке на “Топаз” (КП полка) и “Розе” (КП батальона), продолжаем укреплять свои позиции с таким расчетом, чтобы их не смогли взять мины и снаряды, а также гранатометы душманов.

Оборудуя укрытие, с особым старанием работает капитан Чаплинский И. Таскает большие камни, дрожащими от усталости руками укладывает их и говорит мне: “Представляешь, я столько не работал, даже когда строил собственный гараж”. А я ему в ответ: Иван Иванович, личный гараж – пустяк, здесь мы находимся между жизнью и смертью.

Наконец, наше укрытие готово. Снаряжаю и отправляю снова группу бойцов к реке за водой.

С позиций командного пункта дивизии ударил по душманам “Град”. Реактивные снаряды со свистом проносятся через нас. В ходе огневого налета по противнику осматриваем свои позиции. Отдаю распоряжения подчиненным. С наступлением темноты заморосил мелкий дождь, подул холодный, пронизывающий ветер. Днем – невыносимая жара, а вечером и ночью – холод, ветер.

В это время возвратилась группа с водой. Наконец-то впервые удалось пробиться к реке и принести побольше воды. Выставив боевое охранение, распределив воду, возвращаюсь в свое укрытие. Уставший, падаю рядом с Чаплинским и под грохот

орудий и свист реактивных снарядов засыпаю.

24 мая 1982 г.

Начало светать. Душманы, включив музыку, открыли беспорядочный огонь по нашим позициям, но уже не такой плотный, как в предыдущие сутки. Видимо, сказались результаты работы реактивной артиллерии. Во время короткого затишья, ползком и перебежками, от укрытия к укрытию передвигаюсь по переднему краю. Проверяю личный состав, осматриваю укрепления, отдаю распоряжения, беседую с офицерами и сержантами. С остальными, к кому даже ползком и перебежками пройти невозможно, связываюсь по Р-148, спрашиваю о положении дел.

Вечером душманы, приблизившись на бросок гранаты, с криками “Аллах-Акбар” предприняли атаку. К счастью, наши укрепления, хотя и наспех сделанные, оказались хорошей защитой от осколков и гранатометов противника. Атака духов захлебнулась. По отходящему противнику, по наводке артиллерийского корректировщика ударила артиллерия полка, одновременно заработали наши минометы и АГС-17 “Пламя”.

Из дневника майора В.В. Усманова

25 мая 1982 г.

Приехал Тимур Аркадьевич Гайдар – начальник военного отдела газеты “Правда”, хочет встретиться с афганскими крестьянами. Объясняю ему, что, как таковых, их здесь нет. Он настаивает на организации встречи. Прибывший с ним подполковник из политотдела 40-й армии тоже настаивает, чтобы провести встречу сейчас, а уже 18 часов. Я уговариваю их перенести встречу на утро.

Получаю приказ от комдива выделить сопровождение и отправить журналиста в соседний кишлак.

Выполнил приказ. Через 15 минут доклад, группа неожиданно и мощно обстреляна; 12 раненых - из них 3 тяжело,

подполковник из политотдела армии ранен, исчез в ходе боя командир взвода. Докладываю о случившемся комдиву. Он сразу же с вопросом: “А как сам”, имея в виду Гайдара. Говорю: “Жив”.

Послал 9-ую роту на выручку. В ходе боя командира роты старшего лейтенанта Шевченко ранили. Вот тебе и крестьянский вопрос.

26 мая

“Духи” так обнаглели, что забрасывают гранатами наши группы, которые находятся в горах. Поставили танк на прямую наводку и, используя высокую точность огня по наводке с гор, бьем по душманским засадам. Эффект отличный!

С темной собираю ремонтников, поваров, наводчиков-операторов БМП, нагружаю боеприпасами, продуктами, водой и отправляю в горы. Люди идут охотно, чувствуют свою причастность к боевым действиям и выполняют все очень старательно. Ведь у тех, кто остается внизу, всегда какое-то чувство вины перед теми, кто уходит в горы.

27 мая 1982г

Близится день рождения замполита старшего лейтенанта Александра Скрипеля, вот ведь как устроен человек, вокруг смерть, ежеминутно можешь погибнуть, но ничего человеческого даже на войне людям не чуждо. Надо готовиться, на сколько это можно в этих условиях. Замполит у меня – отважный парень и очень толковый человек, настоящий комиссар.

Командиру 9-ой роты изрешетило осколками весь бок от плеча до пят. Налили ему стакан спирта, он его выпил. Через пару минут наш фельдшер прапорщик Атанасов выдергивает ему осколки от плеча до пятки вдоль всего туловища. Их десятки. Морщится ротный, но терпит. В роте не осталось офицеров: 2 ранены, 1 убит. В госпиталь рот-

ный не поедет, заменить нечем. Да и ранения не смертельные. Если выживет, на пляже будет ходить в шрамах. Это нестрашно – мужчину шрамы украшают.

Из дневника старшего лейтенанта А. Ф. Скрипеля

28 мая 1982 г.

Восьмые сутки на переднем крае. Ни днем, ни ночью невозможно подняться в полный рост.

По радиостанции из “Топаза” от имени командования дивизии нас благодарит замполит полка. Дает указание представить донесение об отличившихся. Стойкость наших офицеров и солдат сковывает действия противника, обеспечивает работу КП дивизии и КП полка, а также бесперебойный подвоз боеприпасов и прохождение наших колонн. Комбат В. Усманов, в ходе моего доклада по радиостанции назвал наши позиции “лежбищем котиков”, потому как мы действительно можем передвигаться здесь лишь ползком.

Пишу, а рядом над головой жужжат пули. И так в течение всех дней – не подняться, не выпрямиться. Передвижение только ползком или перебежками.

Руки покрылись черной коркой, у бойцов появились вши, главное, чтобы выжили и выстояли. Хорошо, что в ночное время наладили доставку боеприпасов, сухого пайка и воды. В сутки приходится по 2 банки перловой, иногда даже гречневой каши, банка “красной рыбы” (килька в томатном соусе), сухари и поллитра воды на человека.

Во время обеда с командиром саперного взвода из инженерно-саперной роты полка и прапорщиком Лебедевым А.Г. из артдивизиона полка с улыбкой наблюдаем, как наш доктор лейтенант Виктор Годына смачивает тампоном с нашатырным спиртом кончики своих пальцев и принимается за еду, а едим все из одного котелка, разогретого пиропатроном.

Капитан Чаплинский во время затишья вылез из своей “пещеры”, снова и снова, как на исповеди, рассказывает интимные истории из жизни, когда перед командировкой в Афгани-

стан, служил в одном из военкоматов Курской области.

Офицеры и солдаты неоднократно перечитывают письма, которые доставили к нам на передний край сегодня и сразу же стараются написать ответ. В Анаве, видимо, собрали местных жителей и проводят агитационную работу, слышны афганские песни. Вспомнил, что завтра у меня день рождения. По радиостанции комбат передал, что в честь этого события кое-что приготовили там, внизу.

С бронегруппой приказано вечером спустится на командный пункт, там будет поставлена новая боевая задача.

Почистил автомат, приготовил боеприпасы, отдаю последние распоряжения ст. лейтенанту В.Ворончихину, желаю удачи капитану И.Чаплинскому. После инструктажа, следующих со мной солдат, укладываем на плащпалатки раненых и начинаем спуск. В полночь вышли к мосту через реку Панджшер. Здесь нас ждали три БМП с прапорщиком В. Губаревым. Едем на командный пункт. Комсорг батальона прапорщик В. Губарев рассказывает, как он два дня назад сопровождал спецкорреспондента газеты “Правда” Тимура Аркадьевича Гайдара по Панджшерскому ущелью от КП дивизии до КП полка. Только отъехали километра два – угодили в засаду, – говорит он. Одна боевая машина была подбита, ранен подполковник, сопровождавший корреспондента, и несколько солдат из девятой роты. Мы открыли огонь из пулеметов по “духам”. Смотрю, одна БМП не стреляет. Побежал к ней. Забрался на башню и, думая, что там наводчик-оператор зазевался, ударил сидящего на его месте человека по голове и закричал: “Наводчик е...й! Разверни орудие и бей!” А в ответ слышу: “Сынок, а я ведь не умею.” Гляжу, а там сидит Тимур Гайдар.

***Из дневника комбата
майора Владимира Викторовича Усманова***

29 мая 1982г

Вот и спустился с гор Александр Федорович Скрипель,

мой дорогой комиссар, именинник. Проконтел и пропылится с головы до пят. Пошла отмываться. А потом уж качнем именинника. Ух и врежем.

Из дневника старшего лейтенанта А.Ф. Скрипеля

29 мая 1982 г.

Впервые за две недели помылся, побрился, постирал обмундирование. Здесь можно ходить в полный рост. С комбатом обсудили обстановку и новую боевую задачу. Во время обеда в 100 метрах от нас подорвалась на mine боевая машина десанта из полка ВДВ и, словно факел, моментально сгорела вместе с механиком - водителем. Видимо, и здесь не все мины смогли обнаружить саперы.

По радиостанции с "Диплома" нашего плацдарма передали, что тяжело ранен в живот младший сержант Вальтер из второй роты, приданной батальону, несколько человек получили ранения. В 9-ой роте, выполняющей задачу по охране командного пункта, убит сержант Алешин, 5 солдат получили ранения.

Вечером в машине МТО отметили день моего рождения. Ужин после сухого пайка показался царским. Мясо жареное с сухой картошкой, лук, квашеная капуста, тушенка. Принесли термос с бражкой, подготовленный во взводе обеспечения. В нее замполтех полка вылил только ему известно как сохранившуюся початую бутылку водки. Разлили всем присутствующим по кружкам. По радиостанции получил поздравление от командира и замполита полка.

30 мая 1982 г.

На командном пункте дивизии доложил об обстановке на высоте, о героизме бойцов.

Доложил о наших действиях начальнику оперативного отдела дивизии, показал начальнику артиллерии дивизии, откуда идет наиболее интенсивный огонь душманов.

Получил от них распоряжение – обобщить боевой опыт в ходе рейдовой операции.

Так закончились для меня первые две недели боевых действий в Панджшере.

P.S.

Прошло 17 лет, как были сделаны записи в дневниках, опубликованные выше. Многие из запечатленных в них событий давно бы забылось и выветрилось из памяти. Только теперь по достоинству оцениваешь, что не зря отрывал минуты от сна и отдыха на время записей в дневнике. Они, как затеси, в лабиринтах памяти. Читаешь строку, а за ней в памяти выстраивается вереница событий.

Сразу вспомнилась вся Панджшерская операция, проведенная нашими войсками совместно с афганскими воинскими частями. Это была первая крупнейшая боевая операция нашей армии в горах после Великой Отечественной войны. Ее проведение осложнялось гористой местностью, непривычными для советских солдат климатическими условиями, тем, что в боевых действиях участвовали обычные войска, а не части, подготовленные специально для ведения войны в горах.

Позднее, находясь уже на учебе в Военной академии имени М.В. Фрунзе, мне пришлось изучать эту операцию в подробностях, по предложению товарищей даже докладывать о действиях моего батальона в ней.

Вспомнилось, что история с пребыванием в нашем батальоне заведующего военным отделом газеты “Правда” Тимура Аркадьевича Гайдара закончилась тем, что все, что совершил в операции батальон, было напечатано, только вместо наших имен и фамилий стояли вымышленные – афганские. Позднее, как объяснял автор, ему рассказывать о боевых действиях, проводимых советскими войсками, зап-

ретил первый заместитель Министра Обороны, Начальник Генерального Штаба Маршал Огарков. Мы вели бои, теряли своих товарищей, а в Союзе многие думали, что мы там занимаемся озеленением дорог и строительством школ. Горько было все это сознавать.

Тем же летом проводилась и вторая Панджшерская операция. Я прямо из отпуска вернулся в боевую обстановку и повел батальон в горы. Операция была не легче первой. В ее завершении наш батальон закрепился в сердце Панджшера – Рухе. И передал город пришедшему из Маймане батальону. Потом для удержания там был расквартирован мотострелковый полк.

Вспомнилось много других эпизодов. Например, прочитал из дневника Саши Скрипеля (теперь он полковник, военный комиссар г. Серпухова) о капитане Иване Чаплинском, и сразу вспомнилась история, как он попал к нам в батальон. Командир полка подполковник Высоцкий считал, что каждый штабист должен “обкататься” в боевых условиях, знать войну “в лицо”, а не только писать бумаги в штабе. Вот и распорядился, чтобы офицер из его штаба Чаплинский возглавил взвод в моем батальоне по принципу: раз идет бой – воевать должны все.

Чаплинский в первый же день боевой операции в горах выпил обе фляги воды, что были при нем. А следующие дни жадно смотрел, как другие делают из своих фляг жидкий глоток. Губы потрескались от жажды у капитана. И как после боев рассказывал Саша Скрипель, он из жалости налил воды в крышечку от фляжки и протянул

Чаплинскому со словом – выпей. Тот смотрел жадными и молящими глазами на воду и спросил: “Можно всю?” А в крышке от фляги было три наперстка воды.

Вспомнился и другой трагический эпизод о цене воды в знойных горах Афганистана. Рядовой Васильев, собрав 15 фляг у бойцов, спустился с ними с трехкилометровой высоты к реке и набрал воды. Обвешанный флягами полдня взбирался по утесам. А когда, измученный и изодранный о камни, поднялся к взводу и стал передавать первую флягу жаждущим бойцам, душман-снайпер застрелил Васильева. У бойцов от жажды сводило губы, но никто не прикоснулся к воде. Ее мы отдали для раненых, с которыми находился батальонный фельдшер прапорщик Иван Атанасов. Кстати, Атанасов был удостоен двух медалей “За отвагу” и представлялся к третьей.

Читая записи дневника, снова переживал и восхищался мужеством и, я бы даже сказал, везучестью командира взвода старшего лейтенанта Саши Зайцева. Он с бойцами был все время на самом острие схваток с душманами. Выполнял с блеском все мои наиопаснейшие задания. “Пулеуловитель”, – так образно я его называл. И выходил из всех переделок невредимым. Сейчас полковник Зайцев передает свой опыт будущим офицерам. Ему есть чем поделиться из личного боевого опыта.

Вспоминаю и другой случай. Капитан Белов, зампотех, прибыл к нам в батальон из Союза. И погиб на второй день пребывания в Афганистане. Вот почему я предложил сделать раздел в нашей книге – один день войны глазами бой-

цов и командиров. На войне не только день – минуту выжить непросто.

Вместе с памятью о гибели Белова я вспомнил и о бойце, с которым капитан ехал в кабине машины технической помощи. Пуля сразила Белова наповал, а боец - водитель был ранен. Когда его стали грузить в вертолет для отправки в госпиталь, он потребовал, чтобы его отвезли вначале к комбату. Он передал мне окровавленную карту нашей боевой операции, которая находилась у капитана Белова. Фамилию бойца я забыл, но помню, что я его тогда обнял и сказал: “Спасибо тебе, Костя”.

Припомнилась судьба бойца Виктора Заборского. Отличный парень, отважный, веселый, мастер рассказывать всякие байки. Вокруг него всегда гуртовались ребята. Присмотрелся к нему и в боевой обстановке, а потом предложил - поезжай-ка, Виктор, в военное училище, хороший из тебя командир может получиться. И уехал парень на учебу, офицером стал. Письма-отчеты мне присылал о первых своих шагах и успехах на офицерской службе.

Я думаю, что и книга наша, подготовленная совместно с “афганцем” Геннадием Устюжаниным, будет для многих бывших участников афганских событий своеобразным ключиком к памяти о друзьях-товарищах, о боях и походах, когда делились последним сухарем и последним глотком воды, прикрывая собой товарищей и командиров.

*Владимир Усманов,
генерал-майор*